

Джоанна
Линдсей

Похищенная
невеста

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Л59

Серия «Мини-Очарование: Лучшее»

Johanna Lindsey

CAPTIVE BRIDE

Перевод с английского Т. Перцевой

Компьютерный дизайн Э. Кунтыш

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства HarperCollins
Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59 Похищенная невеста : [роман] / Джоанна
Линдсей ; [пер. с англ. Т. Перцевой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Мини-Очарование: Лучшее).

ISBN 978-5-17-109332-7

Прекрасная и гордая Кристина Уэйкфилд не подозревала, что своим отказом больно ранила Филипа Кэкстона. Он поклялся завладеть девушкой, чего бы это ему ни стоило. В далекой пустыне, под бриллиантовыми звездами, родилась вечная любовь.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Johanna Lindsey, 1977

© Перевод. Т. А. Перцева, 1995

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-109332-7

Глава 1

Этот день, один из дней ранней весны 1883 года, выдался на удивление теплым и ясным. Легкий ветерок играл в ветвях огромных старых дубов, возвышавшихся по обе стороны длинной подъездной аллеи, ведущей в Уэйкфилд-Мэнор. Два красивых белых коня, впряженные в открытый экипаж, тяжело дыша, стояли перед большим двухэтажным особняком.

А в это время хозяин упряжки Томми Хантингтон раздраженно мерил шагами просторную гостиную, обставленную мебелью, обитой золотой парчой, с нетерпением дожидаясь, пока Кристина Уэйкфилд соизволит спуститься. Томми примчался сюда, как только принял окончательное решение относительно Кристины, но теперь неожиданно разнервничался.

Черт возьми, раньше она никогда не заставляла его ждать так долго! Заставив себя немного успокоиться, Томми посмотрел в окно, выходящее на огромное поместье Уэйкфилдов. Во всяком случае, так было, пока она не начала носить длинные платья и укладывать волосы в прическу. Теперь же каждый раз, когда он приезжает, чтобы увидеть ее, приходится торчать в гостиной не менее получаса, прежде чем она наконец решит появиться.

Томми уже почти решил отказаться от задуманного, когда мягкие ручки закрыли ему глаза и молодой человек, трепеща, почувствовал, как к его спине прижимается упругая грудь Кристины.

— Угадай, кто? — лукаво пропел звонкий голосок.

О боже, как бы ему хотелось, чтобы она перестала проделывать подобные штучки! Все это было в порядке вещей в детстве, когда они играли среди деревьев или в этой гостиной, но в последнее время близость девушки заставляла Томми сходить с ума от желания.

Резко повернувшись, он, как всегда, застыл, околдованный ее ослепительной красотой. На Кристине сегодня было облегающее платье из темно-синего бархата, а золотистые волосы обрамляли лицо бесчисленными локонами.

— Пожалуйста, не смотри так, Томми! Последнее время ты вечно глазеешь на меня, а я из-за этого нервничаю! Можно подумать, у меня нос грязный или платье порвано!

— Извини, Крисси, — пролепетал он. — Просто ты настолько изменилась с прошлого года, что я ничего не могу с собой поделать. Как ты прекрасна!

— Как, Томми Хантингтон, ты хочешь сказать, что раньше я была уродиной? — подначила Кристина, притворяясь оскорблённой.

— Конечно нет. Ты знаешь, о чем я.

— Хорошо, ты прощен, — рассмеялась девушка и, подойдя к обитому золотистой парчой дивану, грациозно опустилась на него. — А теперь объясни, почему ты явился так рано. Я ожидала тебя только к обеду, а ты уже здесь, и Джонси сказала, что ты ворвался в дом словно безумный.

Томми мучительно пытался найти нужные слова, 4 поскольку не сообразил приготовить речь заранее.

нее. Ну что ж, лучше все-таки признаться, пока он не успел окончательно потерять мужество.

— Крисси, я не хочу, чтобы ты ехала в Лондон этим летом. Твой брат через пару месяцев будет дома, и я собираюсь просить у него твоей руки. Потом, после свадьбы, если ты по-прежнему захочешь увидеть Лондон, я сам отвезу тебя.

Кристина ошеломленно уставилась на юношу.

— Ты слишком многое принимаешь как должное, Томми, — резко бросила она, но тут же взяла себя в руки, заметив отчаянный взгляд и горестную гримасу на почти мальчишеском лице. Что ни говори, а она всегда знала, что этот день настанет! — Прости, что накричала на тебя. Знаю, наши семьи всегда считали нас идеальной парой, и когда-нибудь мы, возможно, поженимся, но не сейчас. Тебе только что исполнилось восемнадцать, а мне — семнадцать. Мы еще слишком молоды, чтобы венчаться. Я росла в таком уединении, и хотя люблю свой дом, все же мечтаю встретиться с новыми людьми, увидеть Лондон, немного побывать в обществе, ездить на балы и праздники. Неужели не понимаешь? — Она осеклась. Не стоит причинять Томми лишнюю боль. — Я люблю тебя, Томми, но не так, как тебе этого хотелось бы. Ты всегда был моим лучшим другом, и я люблю тебя как брата.

Молодой человек терпеливо молчал, хорошо зная, как упрямая и своевольна бывает Кристина, но ее слова тем не менее жестоко ранили его.

— Черт побери, Крисси, я не хочу быть твоим братом! Я люблю тебя! И хочу, как мужчина хочет женщину! — Томми подошел к девушке и, взяв ее за руки, притянул к себе. — Я хочу тебя больше, чем что бы то ни было на свете. Ни о чем другом не могу думать,

кроме как о минуте, когда смогу обнять тебя, положить на постель, любить... Это стало навязчивой идеей, одержимостью, и я...

— Прекрати, Томми! Ты несешь чушь! Я не желаю больше слушать!

Кристина отодвинулась от него, а минуту спустя в комнате появилась Джонси, ее старая нянька, с чайным подносом в руках, и Томми больше не смог найти времени, чтобы серьезно поговорить с девушки.

После долгой прогулки верхом, значительно смягчившей напряжение, они очень весело пообещали вдвоем, и поскольку Кристина вновь стала прежней, оживленной и беззаботной, Томми тактично решил не упоминать больше о любви, по крайней мере сегодня.

Поздней ночью, лежа без сна на широкой постели, он, как всегда, думал о Кристине, и вновь ужасное предчувствие охватило его. Сам не зная почему, юноша ощутил твердую уверенность, что, если Кристина отправится в Лондон, как и намеревалась, эта поездка изменит всю ее жизнь и разрушит его счастье. Но он был бессилен остановить ее. И ничего, ничего не мог сделать.

Глава 2

Тысячи сверкающих звезд переливались на синем бархате неба. Теплый ветерок нежно шелестел в ветвях и вершинах деревьев, огромная круглая рыжеватая луна освещала дорогу. Покой и мир сельской местности нарушал лишь грохот колес экипажа Уэйкфилдов, катившегося по пустой пыльной дороге.

Джон Уэйкфилд, откинувшись на мягкие подушки сиденья, задумчиво разглядывал собственное отражение в окне. Одинокая свеча, горевшая в под-

свечнике, бросала тусклые отблески на темно-синюю бархатную обивку экипажа.

Он надеялся, что хорошо проведет время в городе, как, впрочем, и Крисси! Поездка наверняка должна стать удачной.

Джон, обернувшись, взглянул на сестру, безмятежно спавшую на противоположном сиденье.

Кристина Уэйкфилд превратилась из озорного подростка-сорванца в ослепительно прекрасную женщину всего за один короткий год, который Джон пробыл вдали от дома. Он был потрясен, увидев, насколько она выросла, и все еще не мог привыкнуть к этой невероятной перемене. Фигура, округлившись, приобрела идеальные формы, а лицо... Боже, да Джон с трудом узнал ее!

Он и сейчас изучал это прелестное лицо, пока девушка сладко дремала. Темные густые ресницы, ставшие, казалось, еще длиннее, веерами лежали на высоких скулах. Прямой узкий носик и округлый подбородок обрели более четкие очертания сейчас, когда они утратили детскую пухлость. Джон прекрасно понимал, что ему придется немало потрудиться, чтобы держать в узде обожателей, которые наверняка начнут осаждать Кристину, стоит ей только появиться в обществе.

Крисси мечтала о поездке в Лондон как о подарке к своему восемнадцатилетию, и Джон не видел причин отказывать ей в этом. Кажется, Кристина Уэйкфилд способна всегда добиться того, чего хочет! Ну что ж, он не возражал. Джону нравилось во всем потакать сестре — больше у него никого не осталось.

Он ясно вспомнил тот роковой день четыре года назад, когда Джонатана Уэйкфилда случайно застрелили на охоте. Именно Джону выпало сообщить Кристине о смерти отца, а мать... мать так и не смогла

пережить гибели мужа и три недели спустя скончалась от разбитого сердца — так сказал доктор. Но Джон, борясь со скорбью и печалью, все же сумел помочь Крисси и облегчить страдания сестры. Крисси большую часть времени проводила, носясь по окрестным полям на вороном скакуне. Джон готов был закрыть глаза на выходки сестры, поскольку за три месяца до смерти родителей она призналась ему, что забывает все беды, если летит вперед словно ветер, ни о чем не заботясь.

Джон тогда хотел было посмеяться над ней — какие беды могут быть в таком возрасте! Но скоро, слишком скоро ему пришлось усвоить, что несчастья могут обрушиться на человека в любую минуту. Езда верхом помогала Крисси забыть тоску, и девушка пришла в себя гораздо скорее, чем могла бы, после столь внезапной потери родителей.

Джону пришлось стать для сестры всем, но он не смог бы воспитать Кристину один, без помощи миссис Джонсон — Джонси, как они ее звали. Джонси вынужнила сначала Джона, потом Кристину, а теперь, став экономкой, правила домом и служами, следила за порядком и чистотой, журила кухарку. Джон до сих пор видел перед собой Джонси, грозившую ему пальцем перед самым отъездом в Лондон: в ее широко раскрытых карих глазах светились тревога и беспокойство.

— Смотри, Джонни, не спускай глаз с девочки! — напоминала она ему уже в третий раз. — Не позволяй ей влюбиться в кого-нибудь из этих лондонских дворянчиков. Не по душе мне эти хлыщи с их изящными манерами да вечно задранными носами, так что не вздумай привезти такого домой!

Садясь в экипаж, Крисси смеялась и подшучивала над Джонси:

— Ах, Джонси, постыдись! Ну зачем мне влюблаться в какого-то лондонского денди, когда у меня есть Томми, который будет дожидаться моего возвращения!

Крисси послала воздушный поцелуй Томми Хантингтону, приехавшему, чтобы их проводить. Тот в притворном смущении опустил голову, но Джон сразу заметил, что молодой человек отнюдь не радовался предстоящему путешествию Крисси.

Томми жил с отцом, лордом Хантингтоном, в соседнем поместье, и поскольку поблизости не было других девушки в возрасте Кристины, она и Томми были неразлучны с самого детства. Джон и лорд Хантингтон всегда надеялись, что они когда-нибудь поженятся. Но Томми с его светло-каштановыми вихрами и блестящими карими глазами был всего на полгода старше Крисси и выглядел в глазах Джона совсем мальчишкой. Джон надеялся, что Томми повзрослеет так же быстро, как сестра, но... возможно, она все-таки решит дождаться этого, если, конечно, любит Томми. Правда, кто может понять женщину? Сам Джон не мог разобраться в чувствах Крисси к Томми — испытывает она к нему лишь дружеское расположение или нечто большее? Нужно не забыть спросить ее об этом, хотя Кристина, вероятно, будет так занята следующие несколько недель, что подобной возможности ей не представится.

Джон улыбнулся, представив изумленные лица молодых людей, которые начнут увиваться около Крисси, как только обнаружат, что она не только прекрасна, но и умна.

Вспомнив жаркий спор, едва ли не ссору, между родителями относительно образования Крисси, Джон невольно хмыкнул. Но в конце концов мать с отцом пришли к соглашению, и Крисси получила такое

же образование, какое получали мальчики из хороших семей, но в дополнение ее учили еще и женским искусствам: шитью и кулинарии — правда, лишь тогда, когда мать могла отыскать ее.

Да, Крисси получила образование и выросла настоящей красавицей, но и у нее полно недостатков. От матери она унаследовала невыносимое упрямство, заставлявшее ее стоять на своем до последнего, если она чувствовала свою правоту. Кроме того, Кристина отливалась вспыльчивостью и могла выйти из себя из-за малейшего пустяка.

Джон вздохнул, представив, какими суматошными и утомительными будут предстоящие две недели, и наконец задремал, пока экипаж продолжал катиться к Лондону по пустынной дороге.

Кристина и Джон Уэйкфилд все еще спали, когда карета остановилась перед двухэтажным домом на Портленд-стрит. Солнце едва показалось над горизонтом, превращая небо из розового в нежно-голубое, птицы весело пели.

Кристина проснулась, когда кучер открыл дверцу экипажа.

— Приехали, мисс Кристина, — извиняющимся тоном объявил он и спустился, чтобы снять вещи, привязанные к задку кареты.

Кристина села, пригладила волосы, рассыпавшиеся по плечам длинными прядями, одернула платье и поглядела на Джона, все еще мирно спавшего на противоположном сиденье; мягкие белокурые локоны закрывали его высокий лоб.

Кристина осторожно подергала его за ногу:

10 — Джон, мы уже в Лондоне! Проснись! — Брат

медленно открыл темно-синие глаза, улыбнувшись, провел рукой по волосам и тоже сел. Кристина заметила, что глаза у него совсем красные — должно быть, долго не мог уснуть прошлой ночью. Она сама удивлялась, что спала так беспробудно. — Ну же, Джон! Ты же знаешь, как я волнуюсь! — умоляюще прошептала она.

— Потише, потише, юная леди, — засмеялся он, потягиваясь. — Йетсы скорее всего еще спят.

— Но я могу разобрать вещи и устроиться, а потом провести целый день, езди по магазинам. Ты ведь сам сказал, что мне необходим новый гардероб! Когда еще покупать платья, если не в мой первый день в Лондоне? — весело спросила Кристина, спрыгнув на землю.

— Разве преподаватель этикета ничему тебя не научил, Крисси? — с упреком сказал Джон, покачав головой при виде такого непростительного нарушения приличий. — Знаю, ты взволнована, но в следующий раз подожди, пока я помогу тебе спуститься.

Они поднялись по ступенькам к огромным двойным дверям, и Джон громко постучал.

— Наверняка никто еще и не думал вставать, — заметил он и снова поднял дверной молоток. К удивлению брата и сестры, двери широко распахнулись. На пороге стояла улыбающаяся кругленькая женщина с румяным лицом и седеющими волосами.

— Вы, должно быть, Кристина и Джон Уэйкфилд. Входите, входите! Мы вас ждали!

Они оказались в маленьком холле, устланном восточным ковром. В другом конце холла виднелась лестница. У стены стоял столик из красного дерева, ломившийся от множества миниатюрных фарфоровых статуэток.

— Я миссис Дуглас, домоправительница. Вы, наверное, устали после такого путешествия. Не

хотите немного отдохнуть, прежде чем начать новый день? Мистер и миссис Йетс еще в постели, — жизнерадостно объявила она, провожая их наверх.

— Джон, возможно, хотел бы немного поспать, а мне нужны лишь горячая ванна и, если можно, какой-нибудь завтрак, если, конечно, это не слишком затруднительно, — попросила Кристина, когда они добрались до верхней площадки.

— Конечно, мисс, сейчас же, — пообещала миссис Дуглас и, показав их комнаты, поспешно удалилась. Кучер принес вещи и пошел распрягать лошадей. Джон, извинившись, сказал, что отправляется спать, после чего в дверях появилась служанка с водой для ванны Кристины.

— Я Мэри, горничная, работаю на втором этаже, — застенчиво пробормотала она, вытаскивая большую ванну и опрокидывая туда ведра. — Если что понадобится, мисс, вы меня только кликните.

— Спасибо, Мэри.

Кристина оглядела комнату, довольно маленькую по сравнению с ее спальней дома, но красиво обставленную. Пол был устлан роскошным золотистым ковром, по одну сторону от кровати с пологом из золотой парчи стоял умывальник с мраморным верхом, по другую — резной комод. В углу, у единственного окна со светло-зелеными бархатными портьерами, расположился диванчик с зеленой бархатной обивкой, к противоположной стене было прислонено зеркало в позолоченной раме.

Мэри закончила складывать привезенные Кристиной вещи как раз в тот момент, когда горничные принесли еще воды, и девушку наконец оставили одну. Заколов

волосы, она разделилась, опустилась в ванну, откинулась назад и расслабилась.

Сколько Кристина себя помнила, она мечтала об этой поездке. Ее всегда считали слишком юной, а в прошлом году, когда ей исполнилось шестнадцать, Джона отозвали в полк. Он вернулся домой лейтенантом армии ее величества и теперь ожидал дальнейшего назначения.

Всю свою жизнь Кристина прожила в Уэйкфилд-Мэнор. Ей выпало на долю счастливое детство в сельской местности, где она резвилась и шалила как мальчишка-сорванец и из-за этого частенько попадала в переплет. Она вспомнила, как они с Томми прятались на чердаке в конюшне Хантингтонов, подслушивая старого Питера, старшего конюха, имевшего привычку цветисто ругаться и разговаривать с самим собой и лошадьми. Именно от старика Кристина научилась некоторым совершенно не подобавшим леди выражениям, большинство из которых она, правда, не понимала. Но однажды отец Томми обнаружил их укрытие. В тот день их обоих здорово отругали, и Кристине еще долго не разрешали и близко подходить к конюшням Хантингтонов.

Кристина давно уже перестала быть той озорницей, какой была когда-то. Теперь она носила платья вместо бриджей, которые сшила ей Джонси, потому что девочка вечно пачкалась и рвала одежду. Теперь Кристина стала леди, и это ей очень нравилось.

Вымывшись, девушка переоделась в простое полотняное летнее платье с цветочным узором. Кристина знала, что оно уже вышло из моды, но она собиралась проехаться по магазинам, и ей хотелось чувствовать себя удобно. Потом она причесала свои длинные золотистые волосы и заколола их на затылке так, что масса завитков и локонов обрамляла лицо. Выбрав шляпку для предстоящей поездки, девушка спустилась вниз и отыскала столовую, в которую вела одна из две-

рей холла. Джон уже сидел за столом вместе с Говардом и Кэтрин Йетс. До Кристины донесся аппетитный запах ветчины и пирожков с яблоками. Кроме того, она заметила яичницу и блюдо с горячей сдобы.

— Кристина, дорогая, не могу выразить, как я рада видеть тебя! — Добрые серые глаза Кэтрин улыбались. — Мы как раз говорили Джону о вечерах и приемах, на которые приглашены, и кроме того, до вашего отъезда состоится великолепный бал, на котором вы непременно будете!

— Сегодня мы все едем на званый ужин к друзьям, — вмешался Говард. — Но не волнуйтесь, там будет много молодежи.

Он весело рассмеялся. Говарду и Кэтрин Йетс было уже около пятидесяти, но эти жизнерадостные и дружелюбные люди любили вращаться в обществе, и приятелей у них было хоть отбавляй. Оба были давними друзьями семьи Уэйкфилдов, и брат с сестрой знали их с самого детства.

— Мне не терпится увидеть город! — с энтузиазмом воскликнула Кристина, накладывая себе понемногу с каждого блюда. — Хочу отправиться за покупками и заказать себе гардероб! Надеюсь, вы присоединитесь ко мне, Кэтрин?

— Конечно, дорогая. Мы поедем на Бонд-стрит. Это как раз за углом, и лавки там на каждом шагу!

— Я, пожалуй, тоже поеду, поскольку все равно не усну. Мне тоже надо кое-что купить, — заметил Джон. Он вовсе не собирался отпускать Крисси, пусть даже и с Кэтрин Йетс — слишком опасны были улицы Лондона.

Джон по-прежнему выглядит усталым, но, возможно, он так же взволнован, как и она, подумала Кристина.

Горничная наполнила ее чашку дымящимся чаем, **14** пока она торопливо поедала яичницу с ветчиной.

— Через минуту буду готова, — пообещала она, заметив, что все уже кончают завтракать.

— Не торопись, детка, — ответил Говард с веселой улыбкой на краснощеком лице. — Времени у тебя сколько угодно.

— Говард прав, Крисси. Не ешь так быстро, — показал головой Джон. — Живот заболит, и тогда вообще никуда не поедешь!

Все рассмеялись, но Кристина продолжала поспешно глотать, почти не жуя. Ей хотелось поскорее отправиться в путь. Она не предполагала, что придется ехать на званный ужин в первый же вечер пребывания в Лондоне, и поэтому захватила с собой всего одно вечернее платье, сшитое для последнего бала в доме лорда Хантингтона.

Они провели все утро и часть дня, переходя из одной лавки в другую, и нашли даже пару магазинчиков, в которых продавалась готовая одежда, но Кристина смогла найти всего лишь три уличных платья по своему вкусу, со шляпками и туфельками в тон. Однако бальных нарядов она так и не купила, поэтому пришлось поехать к модистке и потратить все оставшееся время на снятие мерок и выбор тканей и отделки. Кристина заказала три вечерних платья и еще два — для улицы, с соответствующими аксессуарами. Портниха сказала, что все будет готово не раньше чем через четыре дня, но начнет она с бальных платьев, чтобы Кристина могла получить их как можно раньше. Наконец они вернулись домой и после легкого обеда отправились немного вздремнуть.

В этот вечер появление Кристины и Джона Уэйкфилд вызвало много толков. Они были прекрасной парой — оба светловолосые, на редкость красивые. Кристина чувствовала себя немного не в своей тарелке — лишь она одна была в темно-фиоле-